

А.Л. Кунгуров

Итоги исследования палеолита в юго-западных районах Алтайского края

Рудный Алтай, пониженная низкогорная и предгорная зона, охватывающая Алтае-Саянскую горную область с юго-запада, согласно геоморфологическому районированию относится к Алтайской провинции страны [1; 2]. Юго-западная часть региона (бассейны рек Верхнего Иртыша и Бухтармы) расположена на территории Восточного Казахстана, северо-восточные входят в южные административные районы Алтайского края. Рудный Алтай на протяжении десятков тысячелетий являлся важнейшим источником минеральных (рудных и нерудных) и биологических ресурсов присваивающих и производящих обществ Южной Сибири.

Начало изучения палеолита юго-западного склона Алтая, получившего наименование «Рудный Алтай» [2, рис. 1], было связано с естественно-научным исследованием региона в XVIII в. Прежде всего исследователей привлекали находки плейстоценовой фауны в обнажениях Алея и в пещерах на р. Чарыш (Чагырские «костеносные» пещеры) [3–7]. В 1881 г. автор обобщающего труда «Археология России. Каменный период» А.С. Уваров предположил участие древнего человека в образовании костеносных слоев пещер. Таким образом, палеолит региона был открыт «заочно», так как только спустя 103 года археолог и спелеолог В.К. Вистингаузен идентифицировал и описал эти пещеры, а также обнаружил там первые каменные изделия [8, с. 137–165].

В 60-х гг. геологами Западно-Сибирского управления в ходе работ и обследования региона были обнаружены единичные каменные изделия в трех пунктах: верховья р. Белой (массивная ретушированная пластина и обломки трубчатых костей в лессовидных суглинках на глубине 8 м); Таловское (левый борт р. Пещерихи в 2 км от слияния с р. Рассыпухой, собраны отщепы); Покровское (водораздел рек Поперечной и Землянухи, в 5 км юго-восточнее с. Покровка) [4; 9; 10]. Перечисленные находки не были достаточно выразительными и особого внимания специалистов не привлекли. В 1964 г. в отложениях 11-метровой надпойменной террасы левого берега р. Алей геолог О.М. Адаменко обнаружил кости животных и угольки. В совместной статье О.М. Адаменко и А.П. Окладников опубликовали подробные условия находки и датировали плас-

тину «второй половиной среднего плейстоцена, скорее всего... эпохой тазовского оледенения на севере Западно-Сибирской низменности» [11, с. 379]. Позднее место находки обследовал С.М. Цейтлин, который определил возраст памятника как раннесартанский [12, с. 73].

В 1966 г. томскими спелеологами Л.Н. Поповым, А.А. Черновым и П.Н. Яшуком открыта пещера Страшная (слияние рек Тигирек и Иня, бассейн среднего Чарыша). Спустя три года обследование карстовой полости провел Н.Д. Овдов, заложивший там шурф, доведенный до глубины 9,6 м. А.П. Окладниковым каменная индустрия памятника была отнесена к мустьерской эпохе, хотя в верхних культурных горизонтах присутствовали более поздние предметы. Уточнение датировки и особенностей палеолитического комплекса пещеры Страшной проводилось и позднее [13].

В 1972–1975 гг. на галечных отмелях верхнего Алея в районе с. Гилево участниками новостроечной археологической экспедиции ИА АН СССР (рук. В.А. Могильников) собрана представительная коллекция каменных артефактов различных эпох, в их числе были и орудия с явно выраженными признаками леваллואзской техники расщепления камня. В свободное от работы время члены экспедиции собирали каменные изделия, обломки керамики, кости животных и т.п. на 1,5–2-километровом отрезке р. Алей между нынешним створом Гилевского водохранилища и окраиной с. Гилево Локтевского района Алтайского края.

В 500 м выше по течению от крайних находок Алей перерезает мысовидный выступ левобережного плато высотой до 15 м. За этим обрывом долина сначала сужается, а затем резко расширяется и вплоть до с. Корболихи обширных разрушений нет. В наиболее узком месте в настоящее время сооружена плотина Гилевского водохранилища.

Всего найдено 150 артефактов [14]. В районе с. Гилево, скорее всего, имело место проецирование на аллювий долины Алея артефактов из размываемых рекой культурных слоев. Современный аналог этого процесса в настоящее время отмечен на Гилевском водохранилище, разрушающем свои борта, содержащие палеолитические

комплексы. Вода размывает упавшие глыбы лесовидных пород и уносит мелкие фракции, оставляя на пляжах фаунистические остатки и каменные изделия [15].

С 2000 г. в регионе начинаются планомерные рекогносцировочные и стационарные полевые исследования Алтайского госуниверситета. За неполных четыре года в Змеиногорском, Третьяковском и Краснощековском районах Алтайского края зафиксировано около 200 новых археологических памятников и местонахождений, из которых 120 датируются различными периодами каменного века. Документировано наличие на обследованной территории всех фацциальных типов памятников каменного века: каменоломен и каменоломен-мастерских, базовых стойбищ и временных охотничьих лагерей. Хронология памятников охватывает весь период среднего и верхнего палеолита, мезолита и неолита (от 70–60 до 7–6 тыс. лет назад).

Изучение памятников, среди которых наиболее выразительными являются стратифицированные стоянки Усть-Машинка 3, Воронеж 5, группа объектов долины р. Сентелек, каменоломни-мастерские Усть-Буточный 1 и Давыдовка 1, позволило выявить многие культурно-хозяйственные особенности функционирования древнего присваивающего охотничьего хозяйства. Впервые был выделена и обоснована горная отрасль производительных сил первобытного общества Рудного Алтая, рассмотрена специфика добывания и использования нерудного минерального сырья. Уже сейчас можно с уверенностью утверждать то, что характеризуемый регион является одним из перспективнейших археологических районов Евразии.

Изучение предгорной зоны Алтая позволило не только заполнить еще одно белое пятно на палеолитической карте Северной Азии, но и выявить интереснейшие проблемы исторического развития Рудного Алтая как специфической области Южной Сибири, связанной с неисчерпаемыми источниками рудного и нерудного минерального сырья. В ходе обследования региона отмечена своеобразная зависимость расположения стратифицированных памятников от геоморфологических условий. Как правило, стоянки отмечаются на склонах северной экспозиции, примыкающих к скальным массивам. Исследования специалистов позволяют объяснить эту закономерность. В периоды плейстоценовых похолоданий, когда наступала холодная аридизация открытых пространств Евразии, происходил активный эоловый перенос мелких фракций рыхлых отложений с южных регионов на север и северо-восток. В условиях пыльных бурь скаль-

ные останцы и хребты образовывали подветренные зоны, в которых происходило выпадение лессовых частиц и образование рыхлых сугробоподобных шлейфов. Последующие теплые и влажные периоды формировали за счет деллювиального смыва и иных процессов рельефообразования долины, мысы и террасы, рассеченные малыми и большими водотоками. Значительную роль в сложении современного рельефа играло понижение базиса эрозии основной водной артерии региона – р. Алей. Этот процесс особенно усилился с изменением в четвертичную эпоху направления стока Алей. Долину реки, ранее впадающей в Иртыш, в истоках перехватила Пра-Обь, более глубоко врезанная в толщу прилегающих к Алтаю рыхлых отложений, чем Иртыш. Активный процесс углубления долин привел к врезанию в лессовые и деллювиально-колловиальные пачки малых рек и ручьев. Следствием явился интенсивный смыв рыхлых отложений, сопровождающийся проецированием тяжелых фракций, в том числе камня и каменных изделий мустьерского времени, на понижающуюся поверхность шлейфов.

Подобная ситуация достаточно подробно документирована при изучении стратифицированной стоянки Усть-Машинка 3. Культурный слой этого памятника имеет более горизонтальное залегание, чем современная поверхность, а его пониженная часть разрушена при смыве грунта и спроецирована на поверхность склона. Это же отмечается и для других мустьерских памятников Рудного Алтая. Не исключено и то, что многие стоянки полностью разрушены в ходе формирования современного рельефа и сейчас представлены вторичными местонахождениями на реках региона.

Другой важной особенностью исследуемой территории является обилие выходов пригодного для обработки сырья: роговиков, яшм, порфиритов и кварцитов различного состава, как цокольных, так и в виде колловиальных осыпей. Эти выходы активно разрабатывались в различные эпохи, что подтверждается открытием каменоломен и мастерских, а также распространением сырья в лесостепных зонах Предалтая, лишенных выходов камня. В тесной взаимосвязи с использованием нерудного минерального сырья находятся ранние этапы освоения рудных богатств региона. Наши исследования позволяют предположить знакомство с медными рудами уже человека мустьерской эпохи, о чем далее будет сказано подробнее.

Памятники, связанные с добыванием и переработкой нерудного сырья, – наиболее интересное явление каменного века региона, составляю-

щее его своеобразие и специфику. Наиболее изученный объект на настоящее время – Давыдовка 1. Это уникальный памятник, сочетающий признаки каменоломни, мастерской по первичной утилизации сырья («обогащение») и изготовлению крупных орудий. Кроме этого, Давыдовка 1 содержит рыхлые отложения, позволяющие разделить имеющиеся технологические комплексы стратиграфически, а также документировать различные планиграфические особенности организации пространства мастерской-каменоломни.

Другие объекты достаточно сильно повреждены поздней антропогенной деятельностью: Усть-Буточный 1 (добыча и переработка лидита) частично разрушен карьером; Усть-Березовка 3 (переработка аллювиальных и коллювиальных кварцитовых и роговиковых отдельностей) разрушена распашкой и связанными с ней размывами; Конский Пруд (зеленая яшма) частично разрушен при функционировании Карамышевского Первого рудника (XVIII–XIX вв.) и т.п. Тем не менее все эти каменоломни-мастерские дают неисчерпаемый материал для реконструкции социально-экономических отношений в различные исторические периоды.

Развитие производительных сил общества палеантропов, функционировавшего в мустьерскую эпоху на основании социальных законов агамии, аномии и разборных отношений, не могло обеспечить разработку сырьевых ресурсов на постоянной основе. Видимо, добыча сырья являлась разновидностью важной хозяйственной деятельности, на время которой объявлялась агамия. Она могла осуществляться в рамках подготовки и проведения загонной охоты или как независимая работа части предобщины. В случае близости выходов пригодного для обработки камня предпочтительным был первый вариант организации работы. Если источник сырья находился в рамках контролируемой территории далеко, то могло существовать разделение мужской рабочей группы на «горняков» и охотников.

То, что древнейшая горная деятельность была мужским занятием, естественно, является предположением, которое сложно доказать или опровергнуть. Однако чисто физические трудозатраты, необходимость транспортировки на место базового лагеря-стоянки преформ и заготовок орудий, первоначальное расщепление камня в месте его добычи и т.п. явно отнимали много усилий и времени именно мужчин. Мы склоняемся к тому, чтобы считать временные охотничьи стоянки (в том числе и в пещерах небольшой площади) и мастерские-каменоломни остатками жизнедеятельности мужской рабочей группы палеантропов в периоды агамии. Эту

гипотезу подтверждают свидетельства достаточно длительного проживания «горной» группы палеантропов на месте добычи сырья.

Можно предварительно реконструировать алгоритм функционирования мастерских-каменоломен:

- подготовка (создание запаса продуктов питания и необходимых инструментов);
- перемещение рабочей группы с базового лагеря на выходы сырья;
- осуществление процесса добывания, первичной обработки камня, изготовление крупных орудий труда (заготовки, бифасы) и преформ нуклеусов для расщепления в базовом лагере;
- транспортировка заготовленного на место основного проживания.

Этот алгоритм существенно упрощен, так как не все стоянки еще зафиксированы, не все материалы проанализированы с минералогических позиций. Одно дело, когда мастерская находится в зоне прямой видимости со стоянки (комплекс стоянка Усть-Машинка 3 – мастерская-каменоломня Давыдовка 1 в долине р. Машинка), и совсем другое, когда сырье с Давыдовки 1 использовалось на стоянках в долине р. Алей (Гилевское водохранилище 6). В первом случае расстояние между объектами по прямой составляет 2 км, во втором – свыше 20 (при этом необходимо преодоление как минимум трех рек, включая Алей). Индустриальный комплекс ранних технологических горизонтов Давыдовки 1 содержит не только свидетельства первичного расщепления, но и большое количество орудий, с утилизацией камня не связанных: скорняжные инструменты, разнообразные зубчато-выемчатые орудия, отщепы, сколы и пластины со следами использования. Это подтверждает производство горных работ и факт проживания людей на мастерской. Не исключено и то, что на памятнике наряду с первичной обработкой камня оснащались наконечниками копья. По-другому объяснить обилие зубчато-выемчатых форм, применяемых преимущественно для обработки дерева, сложно. Подобный орудийный набор наряду с Давыдовкой 1 демонстрируют другие мастерские, которые можно интерпретировать как каменоломни не только Рудного Алтая, но и Средней Катуни и Среднего Причарышья.

Неожиданным аспектом изучения добывания нерудных сырьевых ресурсов в мустьерскую эпоху явилось документирование факта знакомства палеантропов с особенностями залегания медных руд (малахита и азурита). Это явление связано с соседством рудных тел и пластов пригодного для расщепления камня. Видимо, внешние признаки рудозалегания были знакомы че-

ловеку с эпохи мустье и использовались для поиска роговика, яшм, порфиринов и других кремниесодержащих пород, не образующих внешних примет (окраска рыхлых отложений, специфика растительности и т.п.). Практически все найденные комплексы изделий среднего и верхнего палеолита содержат артефакты с воздействием медных окислов. На стоянках Первая Бутановка 1–4, Холодный (исток), Усть-Машинка 3 и др. отмечены не только пятна и потеки окислов меди, но и корки окислов, образовавшиеся в зоне контактов геологических тел. На всех известных рудниках XVIII–XIX вв. встретился пригодный для обработки качественный камень.

К сожалению, многолетние разработки меди и полиметаллических руд разрушили возможные места палеолитических каменоломен. Добывание камня палеолитическими горняками приводило к образованию достаточно крупных западин на поверхности (Давыдовка 1), соответствующих параметрам более поздних «чудских» копей.

Появление технологии переработки медных руд позволило человеку в быстрый срок освоить практически все доступные месторождения. При этом не исключен факт ориентации на палеолитические «каменные копи». Традиция поиска меди, серебра и золота по древним разработкам, возникнув в конце неолита, продолжала существовать до XIX–XX вв. По крайней мере все найденные нами выходы камня с признаками его добычи в виде западин, в том числе Давыдовка 1, Конский Пруд, Усть-Буточный 1, были «проверены» геологическими партиями, оставившими запечатанные скважины. Кроме этого, палеолитические каменоломни соседствуют с крупнейшими рудниками XVIII–XIX вв.: Первым и Вторым Карамышевским, Петровским, Екатерининской шахтой на Змеиной горе и т.п.

Вторичная обработка полученных заготовок в регионе достаточно типична для среднего и верхнего палеолита. Она представлена разнооб-

разной модифицирующей и немодифицирующей ретушью, оббивкой, транкированием, резцовым и псевдорезцовым сколом, различными способами усечения и фрагментирования, анкошем. В результате этой обработки оформлялись 84 типа орудий. При этом отмечена тенденция уменьшения орудийного типологического реестра в более поздние периоды. В эпоху неолита все морфологическое разнообразие палеолитических изделий сводится к нескольким основным типам: призматическая пластина, скребки, резцы, острия, топоры и тесла, наконечники стрел и дротиков. Однако при этом каждый отдельный тип орудия распадается на несколько десятков подтипов, различающихся по размерам, расположению и особенностям вторичной обработки. Стандартизация каменного инвентаря – характерная конвергентная черта раннеголоценовой эпохи – в Рудном Алтае также обладает определенной хозяйственной и социальной спецификой. Регион имеет резко очерченное распространение выходов нерудных сырьевых ресурсов – долина р. Алей и левобережье р. Чарыш. По этой причине в палеолитическое время лесостепная территория Алтая, богатая биоресурсами, была выключена из хозяйственной деятельности присваивающих обществ. Образовался своеобразный «палеолитический фронт», за границы которого выходили только единичные охотничьи экспедиции.

Все полученные сведения и материалы опубликованы более чем в 40 работах общим объемом около 37 печатных листов, среди которых монография, учебно-методические издания (3), учебное пособие (1), тезисы докладов студентов и аспирантов на научных конференциях (РАЭСК) (10), научные статьи в различных изданиях [16–31]. На наш взгляд, исследования различных аспектов истории Рудного Алтая в каменном веке и в более поздние эпохи имеют многообещающие перспективы и вне всякого сомнения будут продолжены.

Литература

1. Равнины и горы Сибири. – М., 1975.
2. Алтай-Саянская горная область. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. – М., 1969.
3. Лапшин Б.И. История исследования алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С. 3–17.
4. Шуньков М.В. История изучения палеолита Алтая // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул, 1987. – С. 9–32.
5. Спасский. Письмо обер бергмейстера Лейбе к начальнику Колывановоскресенских заводов генерал-майору Порошину о найденных в берегу реки Алей мамонтовых костях // Горный журнал. – 1883.

- Ч. 1, кн. 4. – С. 112–115.
6. Gebler. Notice sur une caverne a ossements fossils, situee aux rives du Tscharych en Sibirie // Bulletin de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou. – 1883. Bd. 3. – S. 232–240.
7. Brandt F. Neue Untersuchungen uber in den altaischen Hohlen aufgefundenen Saugethirreste, ein Beitrag zur quaternoren Fauna des Russischen Reiches // Bulletin de la Academie Imperiale sciences de St.-Petersbourg, 1871. – Bd. XV. – S. 147–202.
8. Вистингаузен В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С. 137–165.

9. Шиперович В.Я. Палеолитическая находка в Юго-Западном Алтае // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1960. – №25. – С. 101–102.
10. Гайдук И.М. Итоги исследования палеолита Алтая за годы Советской власти // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. – Барнаул, 1969. – Вып. 10. – С. 54–73.
11. Окладников А.П. Первая находка леваллуа-мустьерской пластины в среднеплейстоценовых отложениях Сибири / А.П. Окладников, О.М. Адаменко // Четвертичный период Сибири. – М., 1966. – С. 373–382.
12. Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. – М., 1979.
13. Окладников А.П. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая / А.П. Окладников, В.М. Муратов, Н.Д. Оводов, Э.О. Фриденберг // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – Ч. 2. – С. 3–54.
14. Кунгуров А.Л. Палеолитические находки в верховьях Алей // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул, 1987. – С. 33–42.
15. Кунгуров А.Л. Палеолитические стоянки Гилевского водохранилища / А.Л. Кунгуров, С.М. Ситников // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998. – Вып. 9. – С. 42–46.
16. Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая: итоги и перспективы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2000. – Т. VI. – С. 161–165.
17. Кунгуров А.Л. Новый палеолитический район Алтая // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск, 2001. – С. 200–204.
18. Кунгуров А.Л. Археологические памятники около с. Гольцовка (Змеиногорский район) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2001. – Вып. 12. – С. 129–132.
19. Кунгуров А.Л. Палеолитические мастерские-каменоломни в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Т. VII. – С. 142–145.
20. Кунгуров А.Л. Палеолитические памятники в окрестностях г. Змеиногорска // Змеиногорск в культурном пространстве Алтая. – Барнаул, 2002. – С. 80–97.
21. Кунгуров А.Л. Мустьерская эпоха Рудного Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул, 2002. – С. 88–92.
22. Кунгуров А.Л. Палеолитические памятники окрестностей с. Карамышево // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2002. – Вып. VIII. – С. 20–28.
23. Кунгуров А.Л. К вопросу о ранних этапах горного производства на Алтае // Северная Азия в эпоху бронзы. Пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С. 172–174.
24. Кунгуров А.Л. Предварительные итоги изучения каменоломни-мастерской Давыдовка 1 (Рудный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VII. – С. 98–102.
25. Кунгуров А.Л. Новый памятник с леваллуазским расщеплением камня из Рудного Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2002. Вып. IX. – С. 35–42.
26. Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. 1: Палеолитические памятники. – Барнаул, 2002.
27. Кунгуров А.Л. К археологической карте Рудного Алтая / А.Л. Кунгуров, А.В. Гончаров // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2003. – Вып. 13. – С. 81–86.
28. Кунгуров А.Л. Стратиграфия стоянки мустьерского времени Усть-Машинка 3 / А.Л. Кунгуров, Д.С. Раднер // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VII. – С. 111–114.
29. Кунгуров А.Л. Находки каменного века с озера Кольванское / А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2002. – Вып. VIII. – С. 16–20.
30. Кунгуров А.Л. Новый палеолитический микро-район Алтая / А.Л. Кунгуров, А.В. Шмидт, П.И. Шульга // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001. – С. 73–85.
31. Кунгуров А.Л. Новые памятники эпохи камня в Рудном Алтае / А.Л. Кунгуров, А.В. Шмидт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VII. – С. 115–120.